

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

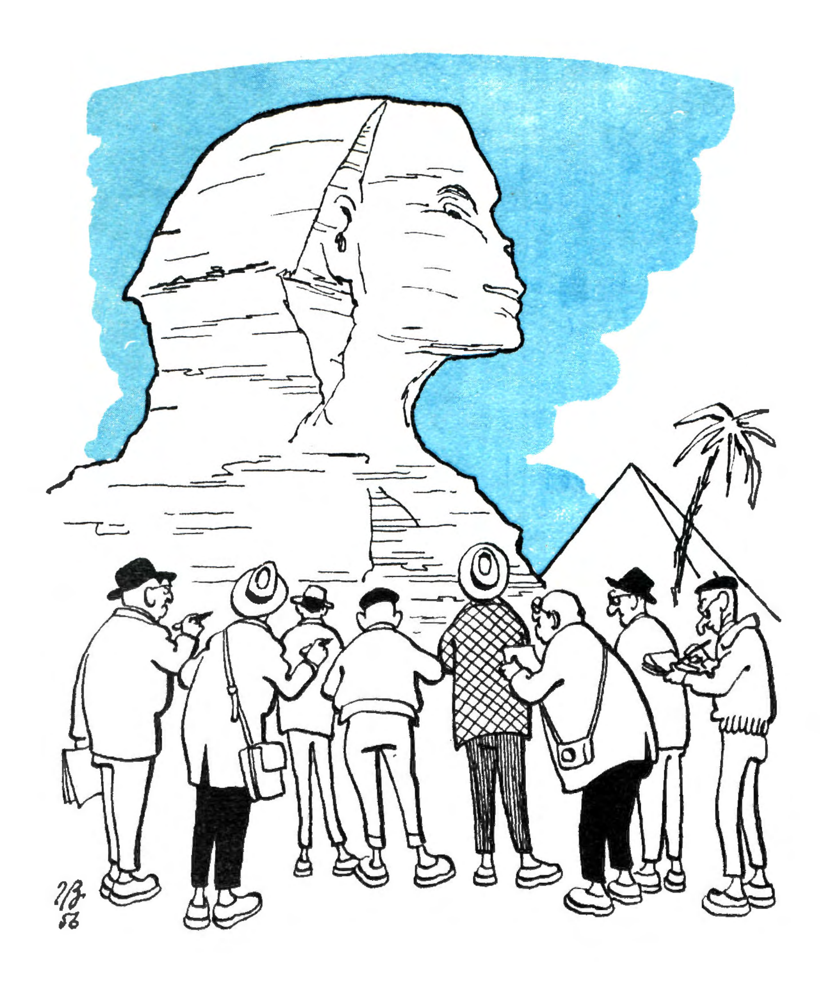
Раскидной календарь

Во многих колхозах трудодни расходуются бесхозяйственно.

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 24 30 АВГУСТА (1458) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ У СФИНКСА

Желая со своей стороны осветить суэцкий вопрос, мы решили использовать своё название и связи и направили в Египет, на Нил, собственного корреспондента.

Молодые крокодилы, вызванные нами из реки, сначала лихо щёлкнули зубами, как гусары шпорами, и выразили намерение отхватить нашу авторучку вместе с рукой, которая её держала. Однако, заметив своё изображение на нашем редакционном удостоверении, они смягчились и отвели нас к старейшине крокодильего племени.

— Привет московскому Крокодилу от нильского,— сказал старейшина, которого мы приняли было за старую колоду, выброшенную на берег.— Чего вы хотите?

— Прежде всего мы хотим,— сказали мы с заискивающей улыбкой,— чтобы вы нас не съели.

— Своих не едим,— милостиво возразил старейшина.— Что же вам от меня угодно?

— Мы попросили бы вас осветить с общей крокодильской точки зрения ситуацию, сложившуюся после национализации компании Суэцкого канала.

Старый Крокодил пожал хвостом.

— Странные вы люди,— сказал он,— а ещё журналисты. Что же, вы не знаете, что сегодня в полночь Сфинкс устраивает пресс-конференцию по этому вопросу?

— Сфинкс! Конференцию! — воскликнули мы.— Он будет говорить? И разрешится вековая загадка?

— Ну, я не знаю,— сказал наш уважаемый собеседник,— будет он говорить или петь, но загадка, вероятно, разрешится. Солнце на закате, вечер на утрате, спешите, чтобы не опоздати.

На густосинем небе уже светила полная луна, когда мы примчались к Сфинксу. От пирамид падала чёрная тень, смутно светились пески, Сфинкс молчал.

Зная, что здесь полагается по этикету испытывать восторг, изумление и потрясение, мы потряслись немного и заняли место среди многочисленных корреспондентов, фотографов и кинооператоров.

Глазницы Сфинкса казались пустыми и безжизненными, но вот луна подошла сбоку, и в её сиянии мы увидели улыбку Сфинкса. Нам показалось, что это весёлая, лукавая и чуть озорная улыбка.

Ровно в полночь мы услышали грозные и величественные звуки. Они походили на львиный рык, на рокот «ТУ-104», на вопль знаменитого баса. Все снова потряслись. Мы тоже.

Сфинкс заговорил.

— Внимайте, смертные! — вещал Сфинкс.— Тысячелетия я молчал, как про́клятый. Но ныне пришёл конец проклятию моему. Я помню народ мой в силе и славе. Это был мудрейший народ в мире, народ-строитель. Он создавал дворцы, храмы и пирамиды, владел тайнами геометрии и механики. Планы наших учёных были велики и обширны. Мы приступили к прорытию канала, соединяющего Средиземное и Красное моря. Об этом можно прочитать не только в древних грамотах на папирусе, но и в новых учебниках на скверной бумаге. И мы прорыли канал две тысячи лет тому назад, но когда на нас обрушились орды завоевателей, канал был засыпан. С тех пор история Египта стала историей завоеваний и грабежей.

Я молчал и только улыбался. Люди не могли разгадать мою улыбку. Даже мудрый Эдип не мог. А она означала вот что. Все завоеватели заявляли надменно: мы пришли, чтобы остаться здесь навеки господами. Глупцы! Я знал истину и улыбался. Я знал, что их век короче моего дня. Они пришли и убегут, а Египет останется. Я видел, как приходили чужие армии с победными трубами, с кликами торжества. Они убивали и грабили. Они заливали Египет кровью, и крокодилы от обжорства наживали ожирение сердца. А потом я видел, как трусливо и воровато сгибались их спины, когда их выгоняли пинками. И снова оставались только подлинные хозяева страны — мои египтяне.

Я помню, как маленький человек в серой шинели и в треуголке декламировал здесь: «Солдаты, сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!» Он считал себя повелителем мира. А я улыбался. Я знал, что не пройдёт и года, как этот хвастун, подоткнув полы своей шинели, будет удирать из Египта. И он удрал, награбив, сколько успел...

— Однако французы вернулись, мсьё Сфинкс! — прервал корреспондент парижской «Фигаро».

— Да, вернулись,— согласился Сфинкс.— Я видел, как свыше ста лет назад сюда пришел титулованный биржевой спекулянт Фердинанд Лессепс. Он организовал сооружение водного пути между двумя морями. Но Лессепс пришёл не один. За ним потянулась вся орава жуликов с парижской биржи.

Часть корреспондентов зашумела.

— Прошу извинить за прямоту и резкость,— сказал Сфинкс,— но именно так назывались эти люди в древнем Египте. Скажем мягче, более современным языком: пришли финансисты. Это были весьма расторопные деятели: феллахи рыли землю, а они наживались. Это и канал, это и финансовые махинации.

Да, египтяне создавали канал, а банкиры создали компанию Суэцкого канала. Она заключила договор с Египтом на 99 лет и обещала египтянам золотые горы. Я улыбался. Гении биржевой спекуляции верили, что навсегда покорили Египет. А я знал, что придёт день, и от хорошего пинка спекулянты вылетят из Египта, как вылетали и другие до них.

Владычество компании Суэцкого канала было самым позорным. Когда французские банкиры проворовались и обанкротились, дело взяли в свои руки их английские собратья. О, их хладнокровное, систематическое выкачивание средств из Египта было ещё более жестоким, бессердечным, чем французское биржевое беспутство! Что Шейлок перед британскими держателями акций! Шейлок требовал только один фунт мяса из груди несчастного должника. Английские ростовщики на основании кабального договора вырезывали год за годом миллионы фунтов стерлингов из тела моей страны.

— Вы забываете, мистер Сфинкс,— сказал корреспондент английской газеты «Таймс»,— забываете о культуре и цивилизации, которую принесли египтянам английские джентльмены.

— Я ничего не забываю,— возразил Сфинкс с горькой улыбкой.— Да, ваша культура, ваша цивилизация! Джентльмены вывозили из Египта миллиарды фунтов и не давали ни одного пенса на борьбу с песками. Они гребли золото, а Египет заносило песками, и даже меня, Сфинкса, засыпало до ушей, так что осталась одна моя улыбка. Но я улыбался, зная историческую истину, а теперь я смеюсь, потому что свободен мой народ-строитель.

На этом я заканчиваю мою пресс-конференцию. Приезжайте к нам с блокнотами, с фотоаппаратами, пожалуйста. Готов поговорить с вами. Но про оружие позабудьте. Времена не те. Есть ли вопросы?

— Должен ли я понять мистера Сфинкса,— спросил какой-то журналист,— в том смысле, что ответом на его пресловутую загадку является просто-напросто полное освобождение египетского народа от какой бы то ни было иностранной зависимости?

— Вы отгадали,— ответил Сфинкс.

Луна величественно уходила за горизонт. Пески серели. Корреспонденты медленно расходились и разъезжались. Какой-то американский журналист сказал ворчливо:

— Чёрт знает что! Сфинксы заговорили. Напишу, до чего дошла наглость колониальных народов...

Мы весело возвращались домой. Нильские крокодильчики дружески махали нам лапками, резвясь в лучах утреннего солнца.

МакАндрон,
специальный корреспондент «Крокодила».

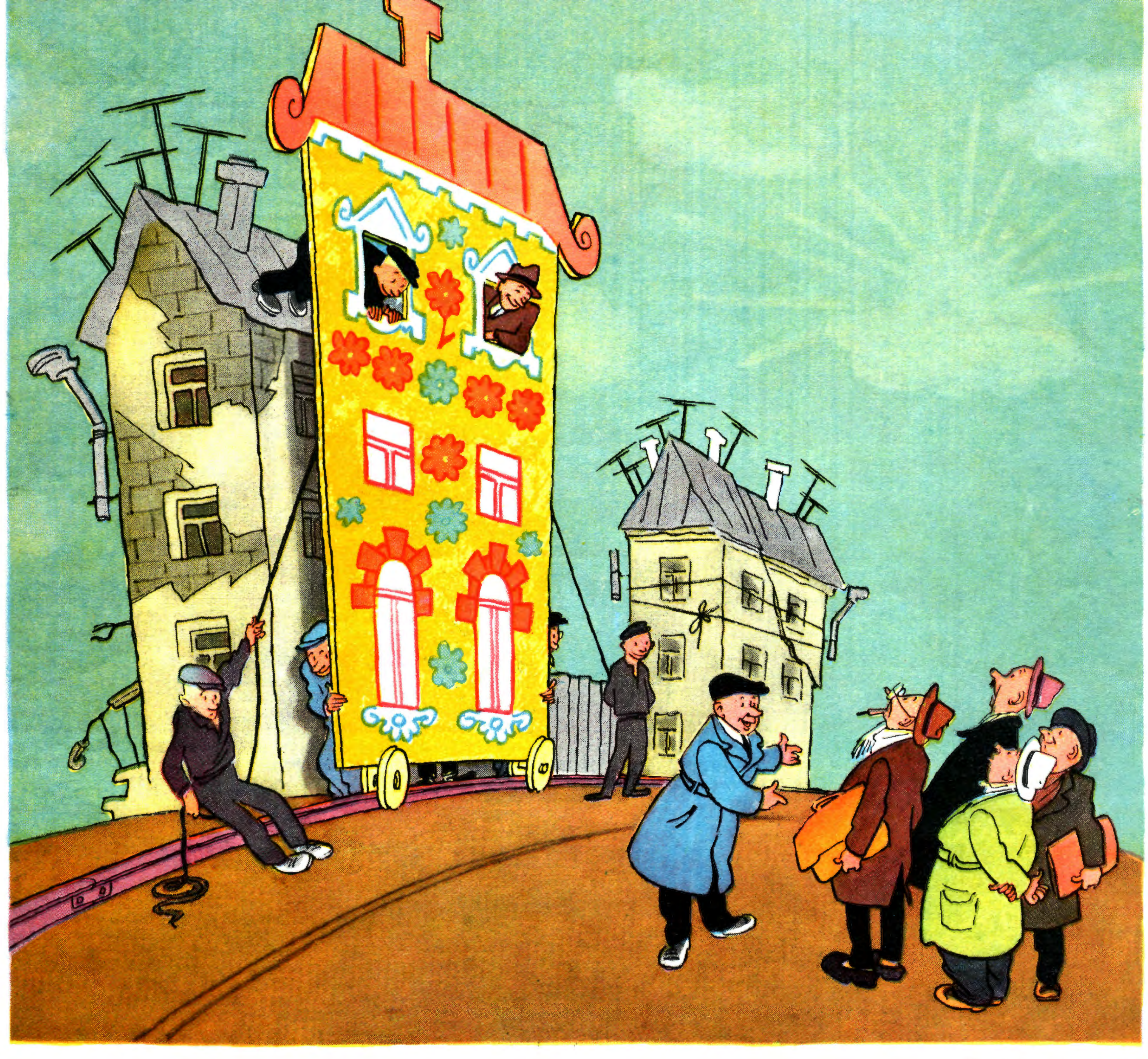

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Уважаемую приёмочную комиссию прошу пройти к следующему отремонтированному объекту!

А. Духанин переезжает...

Случилось это совсем недавно. На Кузнецкой опытной станции Всесоюзного научно-исследовательского института удобрений, агротехники и агропочвоведения, именуемого в быту попросту ВИУАА (милое словечко, напоминающее не то боевой клич печенегов, не то зевок берберийского льва), начался великий переполох. Случись там быть постороннему человеку, он подумал бы, что к станции подступает неприятель или что занимаемой ею территории угрожает немедленное затопление.

Возбуждённые люди носились из стороны в сторону, безжалостно срывая скатерти со столов, обдирая стены, сокрушая всё и вся на своём пути. Жалобно звенели втискиваемые в ящики мензурки и колбы.

Из общего гама выделялся энергичный голос директора станции А. А. Духанина:

— Ничего не оставлять! Моток верёвки? Тащи его, в дороге и верёвочка пригодится, как сказал слуга Хлестакова Осип. Ты что, не знаком с художественной литературой? Всё забирайте, всё. И ковровую дорожку из директорского кабинета и стенные часы. Абажур на лампу? Тащи и абажур. Всё до последнего гвоздика заберу с собой на Новозыбковскую опытную станцию, поскольку меня туда переводят директором.

Здесь же метался какой-то несчастного вида человек. Это был представитель Пензенского сельскохозяйственного института, коему передавалась станция. Он хватал разгулявшихся молодцов за руки и умоляюще восклицал:

— Товарищи, побойтесь бога! Вот, прочитайте решение Пензенского облисполкома... Оно обязывает вас передать нам хозяйство станции в полном порядке. Мы же студентов будем на её базе учить. Студентов!

— Не путайтесь вы тут под ногами со своими студентами! — строго прикрикнул на него бухгалтер-ревизор ВИУАА Н. Н. Русаков, специально прибывший из Москвы помогать Духанину в подготовке приёмо-сдаточного акта.— Ежели хотите знать, мы действуем по прямому, хотя и конфиденциальному, распоряжению своего начальства.— И он торжественно помахал в воздухе запиской главного бухгалтера ВИУАА тов. Логинова.— Не верите? А вот послушайте, что он мне пишет.— Русаков откашлялся и громко прочитал вслух: — «Николай Николаевич. Вы могли послать все областные организации ко всем чертям. Станция не передаётся по балансу.. а ликвидируется. Следовательно, что дадите, за то они и должны сказать спасибо... С. С. Анищенко может приехать в Москву. Полтыщи больше, полтыщи меньше для нашего бюджета не так страшно...»

Русаков спрятал записку в карман и самодовольно усмехнулся.

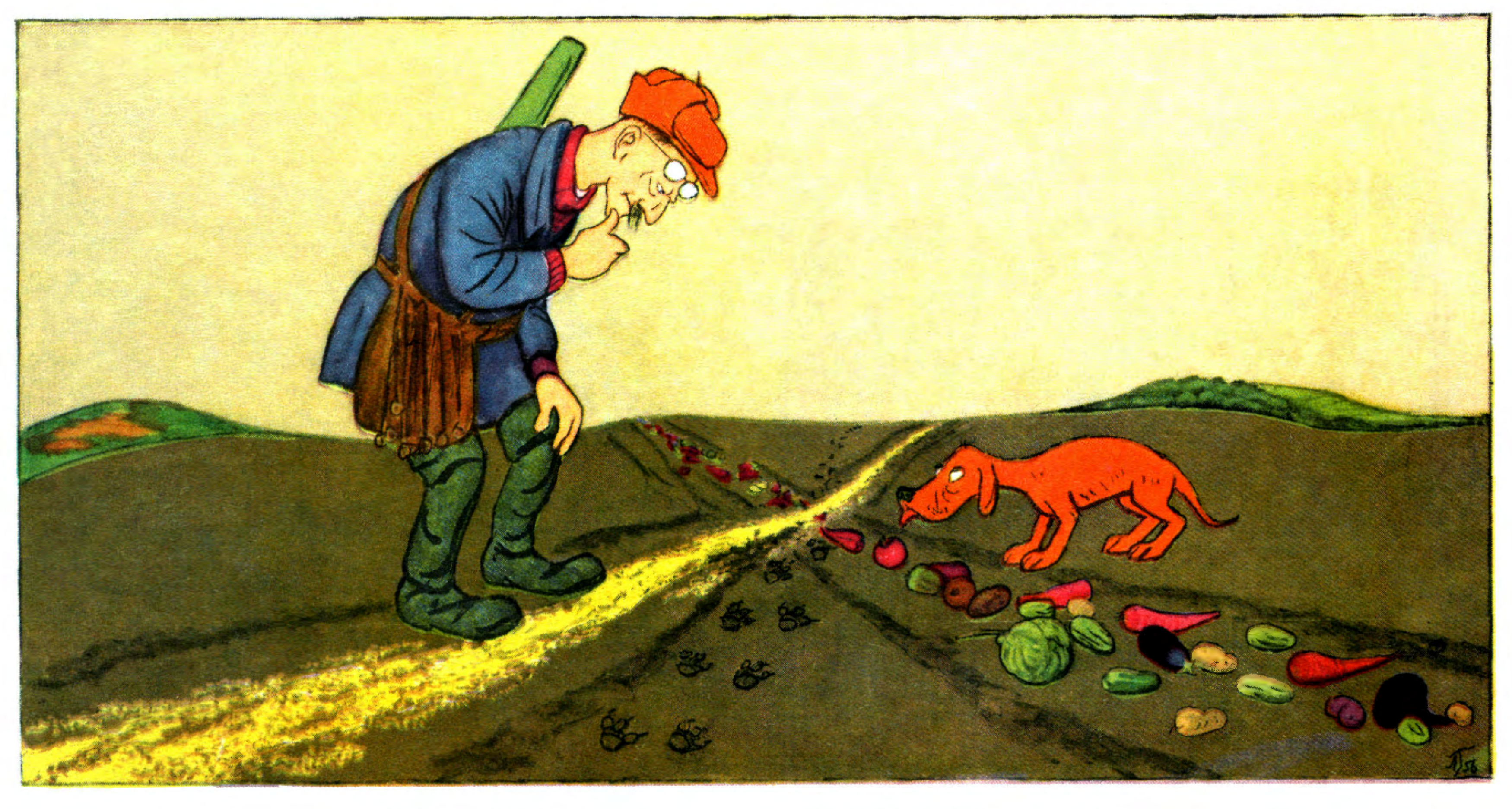
— Вот какой у нас весёлый главбух! Впрочем, окончание сей записки к вам, пензенцам, прямого касательства не имеет. Надеюсь, вопросов больше не будет?

Представитель сельхозинститута бессильно воздел руки к потолку и отошёл в сторону. Разграбление Кузнецкой опытной станции продолжалось. Крики: «Давай, ребята! Навались! Бей, круши!» — вспыхнули с прежней силой.

Директор Новозыбковской станции А. А. Духанин активно готовился к переезду на место своей работы.

Н. ДМИТРИЕВ

СЛЕДОПЫТ НА РАСПУТЬЕ

— Ага! Ясно: здесь элеватор, тут овощехранилище, а там логово!

У осколков разбитого вдребезги...

— Ну, как там у нас вчера?
— Был бой местного значения.
— Есть потери?
— Порядочные. Но точных цифр для оперативной сводки нет.
— Вы были на месте?
— А как же! Тяжёлая картина!.. Разбитые ящики, кругом осколки...

Этот разговор мы услышали на станции Одесса — Пересыпь. Вели его сугубо цивильные люди — работники базы межобластной конторы Укрместсбыта.

— Так уточните потери и доложите мне.
— Есть уточнить и доложить!
— Простите, о каком бое идёт речь? — удивились мы.
— Речь идёт о бое посуды... Обыкновенной посуды, которая прибывает к нам на базу.

Далее выяснилось, что прирельсовая база Укрместсбыта существует главным образом для подсчёта черепков. Впрочем, это не совсем точно. База занята ещё сортировкой посуды. Поясним это примерами. Фаянс, выпускаемый под Харьковом, в Будах, сервизы, изготовляемые в Курном, чайная посуда из Коростеня — всё это отгружается в Одессу. Здесь посуда сортируется: чашки к чашкам, миски к мискам... Затем её опять кладут в ящики, погружают в вагоны, которые следуют в обратном направлении, на торговые базы Херсонской, Кировоградской, Николаевской и других областей.

Выгрузка и погрузка сопровождаются боем посуды. На земле остаются черепки. Их подсчитывают. Потери заносятся в книги. О черепках пишутся приказы, издаются инструкции. Одесситы с базы поднаторели в этом деле. Выявились мастера и виртуозы, которые могут безошибочно, на глаз, определить по черепкам количество разбитых чашек и тарелок. Кое-кто уже поговаривает о диссертации «Оптимальное количество черепков в четырёхосном вагоне при погрузке посуды навалом».

Но оставим в покое черепки и вернёмся к целым чашкам. Зачем посылать их в Одессу? Не проще ли сортировать посуду на месте, на заводе, и отправлять её непосредственно в торгующие организации, минуя одесско-пересыпскую базу?

— Это невозможно! — воскликнул заместитель управляющего Одесской межобластной конторой Укрместсбыта тов. Якерс.— Это абсолютно исключается!
— Почему?
— А что в таком случае будет делать наша база?
— Ничего... Стало быть, она не нужна.
— Но она существует,— значит, она нужна!

Это было сказано с великолепной чиновничьей непосредственностью. И мы подумали: как жалко, что никто не изучает законов бюрократического мышления! Было бы полезно узнать, как такие вещи возникают, формируются, укладываются и окостеневают в голове. Как интересно было бы проследить за ходом административно-управленческой мысли тов. Якерса! Любопытно бы узнать: действительно ли он считает, что без одесско-пересыпской базы торговля посудой на Украине придёт в упадок? Или же он боится ликвидации базы по другим, более прозаическим причинам? Ведь контора Укрместсбыта только и живёт своей прирельсовой базой. Нет базы — нет и конторы с её помпезной вывеской, солидными штатами, экономистами, главными, старшими и рядовыми бухгалтерами, кабинетами за чёрной звуконепроницаемой обивкой, мощной доской приказов. Ничего этого нет!

Возможно, этого и боится тов. Якерс? И только ли один Якерс?

Сколько ещё таких баз разбили свои шатры на берегу ласкового Чёрного моря, в солнечной Одессе!

Вот далеко не полный их перечень.

База Главкультторга. Сортирует игрушки, книги, канцелярские принадлежности. Блокноты, доставленные из Риги, идут в Ленинград, книги, привезённые из Минска, направляются в Калинин.

База Укрторгметизсбыта. Сгружает у себя краски и метизы, прибывшие с Урала и Сибири. Поколдовав немного над ними, отправляет их обратно на Урал и в Сибирь.

База Главгалантереи. День и ночь выгружает всякие товары. Со станции они перевозятся в центр города. Здесь на них набрасывается целый отряд счетоводов и товароведов, до зубов вооружённый вычислительной техникой. Ящики вскрываются. Кофточки, бритвенные приборы, пуговицы, кнопки, крючки и прочая галантерейная мелочь пересчитывается, затем снова складывается в ящики и погружается в вагоны. Сплошь и рядом эти вагоны проделывают тот же путь, только в обратном направлении. Ящики прибывают в те же или смежные города, откуда они не так давно прибыли в Одессу.

Железнодорожники в отчаянии. Ведь на их глазах совершается преступление — многие сотни вагонов бессмысленно гоняют из конца в конец страны. И порой железнодорожники бессильны прекратить это расточительство тоннажа. Десятки бездельников с пеной у рта доказывают свои права на вагоны. Они проявляют бурную энергию. Ведь они борются не только за вагоны. Они отстаивают свои тёплые местечки, своё право каждый месяц подходить к окошечку кассира и расписываться в получении заработной платы за никому не нужный труд!

...С этими невесёлыми мыслями мы покидали одесско-пересыпскую базу. Издалека донёсся знакомый клич:

— Эх, раз, взяли! Ещё раз, взяли!

Вслед за ним послышался звон разбиваемого стекла. Это на подъездных путях начался очередной бой... только что прибывшей посуды.

Ф. БОГАТЫРЁВ

Одесса.

Поощряя редкую специальность

Есть у Чехова в рассказе «Новая дача» кузнец Родион Петров, который всё сказанное ему понимал не как надо, а по-своему. Сказал ему однажды инженер Кучеров, что за хорошее отношение надо платить той же монетой, а Родион понял это как требование «платить монету».

Вспомнили мы путаника Родиона, получив от весьма авторитетных товарищей ответ на заметку «Редкая специальность», опубликованную в № 28 нашего журнала за прошлый год. В заметке рассказывалось, как некий житель Новосибирска И. И. Новиков устраивает переклички записавшихся на покупку автомашин и за это берёт с каждого «очередника» по рублю. С миру по целковому — Новикову шуба. Он ежемесячно не прикладая рук зарабатывает по нескольку тысяч, а местные финансовые органы, вместо того чтобы пресечь подобную «деятельность», квалифицировали её как некооперированный труд и обложили соответствующим налогом.

Эту историю начальник Управления налогов и сборов Министерства финансов СССР тов. Бурмистров и старший инспектор тов. Винокур поняли не так, как надо, а по-своему. Они прислали в редакцию «Крокодила» ответ о том, что... «Министерство финансов РСФСР дало указание об отмене обложения налогом гражданина Новикова»!

Новиков продолжает набивать карманы, доходы его растут, и он, конечно, горячо благодарит добрых дядей из министерства. Далеко до них чеховскому Родиону!

Автокатастрофа

Вам, конечно, знакома лаконичная надпись: «Берегись автомобиля!». В Новороссийске знаки с такой надписью тоже есть. Но в этом городе, пожалуй, уместно было бы завести и другие знаки: «Автомобиль, берегись пешехода!».

Совсем недавно здесь пассажиры едва не задавили автобус. Желающих сесть в автобус было так много, что они чуть не опрокинули машину набок.

Второй случай произошёл на шоссе. Группа девушек загородила дорогу проезжавшей машине. Шофёр затормозил. Девушки заполнили кузов. К ним присоединилось ещё несколько подоспевших пешеходов. Не поместившиеся в кузове прицепились к бортам.

Такое отношение к транспорту вызвано необходимостью утром попасть в город на работу, а вечером вернуться домой. Иначе нельзя: в Новороссийске нет налаженного автобусного сообщения между центром и окрестностями, тогда как большинство жителей пригородных посёлков работает в Новороссийске. Правда, теоретически маршруты, соединяющие пригороды с центром, существуют. Но автобусы здесь ходят не по расписанию, а по настроению руководителей 104-й автоколонны.

А настроение у них, надо сказать, всегда одно: как можно меньше интересоваться нуждами пассажиров.

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

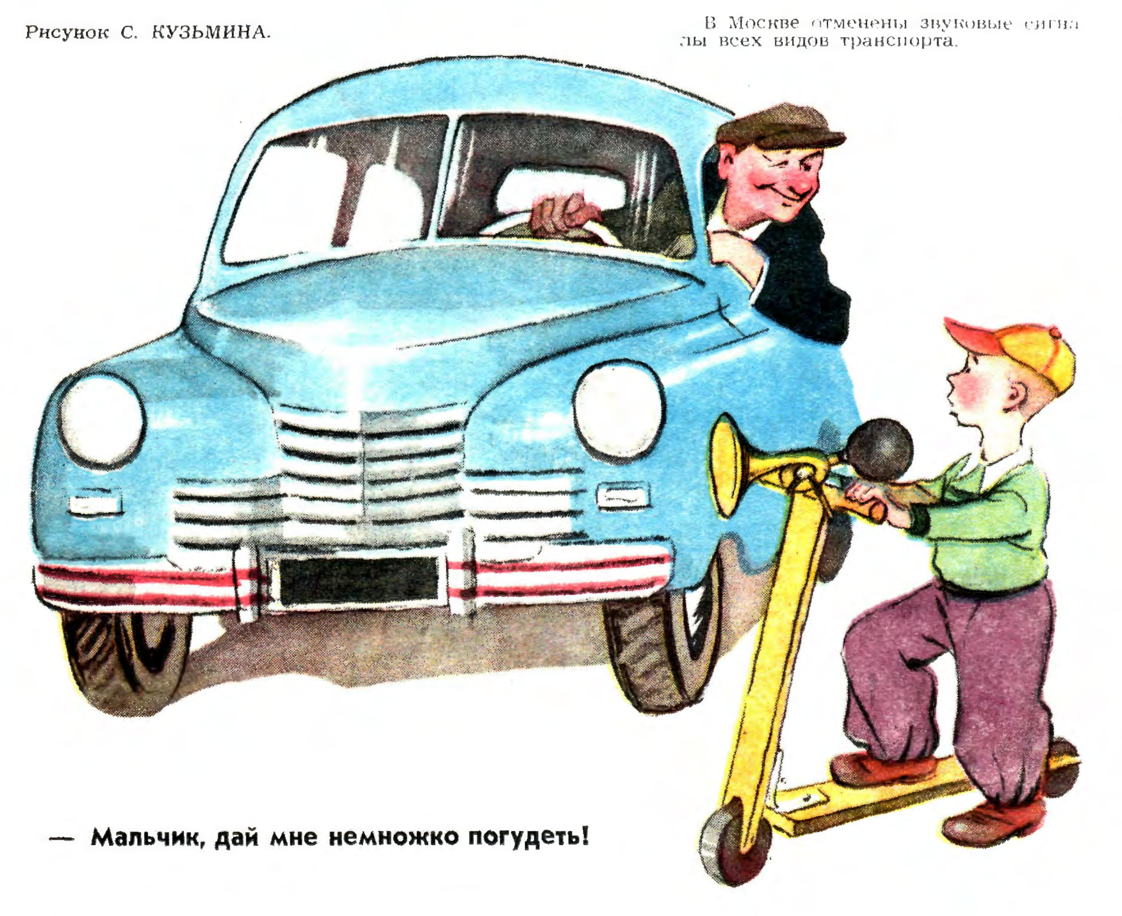

— Мы уже осыпаемся, а они всё ещё спорят о раздельной уборке.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

В Москве отменены звуковые сигналы всех видов транспорта.

— Мальчик, дай мне немножко погудеть!

Л. ВОЛЫНСКИЙ

Не по адресу...

Однажды два ученика
Намяли третьему бока.
Прохожий, к горю своему,
В нём опознал сынишку:
— За что вы Стёпке моему
На лбу набили шишку?
Драчун, затеявший скандал,
Ответил без стесненья:
— Ваш Стёпка в школе написал
Плохое сочиненье.
— Позорный факт. Он виноват,
Но вы виновней во сто крат.
— Нет, дяденька, мы зря не бьём,
Нам не читай морали.
То сочинение вдвоём
Мы у него списали.

Побитый школьник с возмущеньем
Поправку сделал под финал:
— При чём тут я! Ведь сочиненье
Мой папа за меня писал!

г. Киев.

Бор. ЕГОРОВ, Ян ПОЛИЩУК, Бор. ПРИВАЛОВ

Леденцовая смесь

Из сатирических очерков

«Леденцовая смесь — набор дешёвых прозрачных конфет из сахара и различных эссенций» («Словарь кондитера»).

Весь день, выполняя задание журнала, мы провели в цехах машиностроительного завода. Грозная слава сатирического органа вызывала беспокойство администрации, и нам показывали «товар лицом», то есть самые лучшие бригады, самых новых новаторов.

Сопровождал нас некий полуответственный товарищ из дирекции. Конечно, ему с тремя посетителями справиться было не под силу, и к концу обеденного перерыва он был совершенно измотан, потерял всякую бдительность. Нам даже удалось встретиться со злостными нарушителями трудовой дисциплины и с бригадирами, коллективы которых по тем или иным причинам не выполняли плана.

Сигнальный гудок известил о конце рабочего дня. Однако далеко не все торопились уходить домой. Оказалось, что через пару часов состоится открытое профсоюзное собрание. Когда мы проходили по коридору Дома культуры, из какой-то двери вынырнула очень задорная юношеская голова с яркооранжевым чубом.

— Не трогай гостей,— вяло предупредил парня представитель дирекции.— Это наш Рожкин,— исчерпывающе пояснил он, увидев, что оранжевый чуб произвёл на нас впечатление.

Но Рожкин, повидимому, был парень-хват. Он выскочил на середину коридора и быстро заговорил:

— Здравствуйте, товарищи журналисты! Мы вас поджидаем, нужен кое-какой совет по поводу нашего выступления. Простите за нахальство, но меня уполномочили потому, что в кружке «живой газеты» ребята подобрались стеснительные. Чуб мой пусть вас не смущает: это я играю в спектакле одного хулигана... Сегодня вечером премьера, милости прошу. А сейчас пойдёмте, пожалуйста, вот сюда...

Мы прошли за Рожкиным в комнату. У ребят — участников «живой газеты» — не ладилось что-то с фельетоном на местные темы. Кроме того, их смущало, доходчивы ли будут куплеты о начальнике цеха ширпотреба, повидимому, не отличавшемся молниеносной оперативностью. Мы охотно взялись помочь...

В этот творческий момент дверь распахнулась, и в комнату вошёл худощавый молодой человек в расшитой украинской рубашке, брюках-галифе и брезентовых сапогах. На голове вошедшего красовалась роскошная бухарская тюбетейка.

— Привет! — озабоченно буркнул молодой человек, оглядывая собравшихся. Он достал из брючного кармана круглую жестяную коробку с волнообразной надписью «Леденцовая смесь» и, взяв щепотку конфет, методично — одну за другой — положил их в рот. Потом закрыл коробку, убрал её в карман и только тогда сделал первое сосательное движение щеками.

— Ну, что вы мне тут намудрили? — похрустывая после каждого слова леденцами, спросил молодой человек.

Кружковцы как-то неуютно начали переминаться с ноги на ногу.

— Мы тут, товарищ Кругляк,— сказал наконец Рожкин,— корреспондентов привлекли к консультации... Знакомьтесь.

— Кругляк, комсорг завода,— представился он. И, помолчав минуту, произнёс: — Ну, продолжайте. Надеюсь, ваша программа идеологически выдержана и политически целенаправленна...

Без всякой особой причины Кругляк то и дело поглядывал на часы-браслетку; очевидно, у него была каждая секунда на счету.

Ребята прочитали куплеты.

— Неправильно они написаны. Заход не тот,— заметил Кругляк.

— Вы же знаете,— пояснил один из участников «живой газеты».— Технический контролёр Валя Гуськова не пропустила партию негабаритных деталей, несмотря на то, что главный инженер дал указание поставить штамп ОТК. Вот этому факту мы и посвятили...

Кругляк поморщился и озабоченно произнёс:

— Не буду стеснять вашей инициативы. Но в тексте вы что-то намудрили.... Почему ничего не сказано о воспитующей роли партийной организации? Гуськова — комсомолка? А под чьим руководством работает комсомол? А?

— Так это в общем плане,— сказал один из членов кружка.— А у нас частный факт. Кстати, в этом цехе партийная организация вообще уделяет мало внимания качеству...

— ... что и было отмечено райкомом,— дополнил другой.

Кругляк хрустнул леденцом, посмотрел на часы.

— Впрочем, не буду стеснять вашей инициативы. Но учтите: этот вопрос надо обмозговать. В чём тут квинтэссенция?

Кругляк продолжал давать наставления и, никого не угощая, отправлял в рот леденец за леденцом. Выглядел он в своём одеянии несколько живописно: украинская, с богатой вышивкой рубаха ничего не имела общего с бухарской тюбетейкой, а щегольские брезентовые сапоги были, видимо, ещё не освоены, и их всё время приходилось подтягивать. Фразы «Это надо обмозговать», «Что вы тут намудрили?», «Не хочу стеснять вашей инициативы» и «В чём тут квинтэссенция?» он повторял так упорно, что становилось немного муторно, точно каждый из нас съел в один присест по солидной коробке леденцов.

Когда Кругляк дошёл до фельетона о волокитчиках из БРИЗа, наиболее молчаливый член кружка — блондин с задумчивыми глазами — вскипел:

— Ведь четвёртый раз, товарищ комсорг, выступаем об этом! А они даже внимания не обращают! Помогите!

Кругляк остановился на полуслове, внимательно оглядел паренька и сказал:

— Всё ясно, товарищ Громов. Напишите на бумажке вашу претензию к БРИЗу. Чтоб я не забыл. Пойду к директору, в партком, буду разговаривать. Бумага у вас есть?

— Есть,— без энтузиазма произнёс блондинчик.

— Когда напишете, занесите.

В коридоре зазвенел звонок.

— Общий привет! Мне надо спешить в президиум.— И с этими словами Кругляк вышел из комнаты.

— Интересный индивидуум? — спросил нас Рожкин, кивнув вслед Кругляку.— Сосватал нам его в прошлом году райком в секретари комсомола. А сейчас идёмте на собрание, там вы сможете наблюдать кое-что любопытное...

Мы распростились с сопровождавшим нас представителем дирекции и вместе с Рожкиным пошли в зал заседаний.

Собрание было бурным. Опуская все перипетии прений и детали, относящиеся к ходу самого собрания, мы будем рассказывать только о наших наблюдениях, связанных с Кругляком. Вводил нас в курс дела сам Рожкин.

— Познакомьтесь с некоторыми членами президиума. Вот директор завода Берёзкин, рядом с ним секретарь парткома завода Апанасов, один из секретарей райкома комсомола — Кульбаев, заведующий промышленным отделом горкома партии Федунин...— зашептал он темпераментно, когда мы уселись в одной из боковых лож.— А теперь повнимательней наблюдайте за директором завода.

Мы и так смотрели на Берёзкина в шесть глаз. Но ничего заслуживающего особого внимания не увидели. Ну, несколько утомлённый товарищ. Вполне понятно: завод — без пяти минут гигант, объём хозяйства колоссальный. Да ещё, насколько нам известно, Берёзкин состоял в пяти комиссиях, являлся депутатом облсовета и членом бюро райкома.

— Вы разве не заметили, как он часто на часики свои поглядывает? — сказал Рожкин.— Видите? Посмотрел. Минуточку... Видите? Опять... Наш директор постоянно куда-нибудь спешит: на стольких заседаниях, собраниях, совещаниях, летучках и конференциях приходится бывать! Он и садится поэтому сбоку, поближе к выходу. Вот, пожалуйста...

Действительно, из-за левой кулисы появилась старушка, очевидно, курьер. Она нагнулась к берёзкинскому уху и стала шептать. Директор написал записку председателю собрания, вздохнул, взглянул на часы и нырнул под сень кулис.

Но нам показалось, будто что-то неуловимое осталось от Берёзкина на сцене. И вдруг нас осенило: Кругляк! Да, да, Кругляк, сидящий на крайнем правом фланге президиума, ежеминутно поглядывающий на часы! Вот откуда эта манера глядеть вниз наискось, так, чтобы и не особенно бросалось в глаза собеседнику, но чтобы и заметно было наверняка: спешу, мол, ничего не поделаешь.

— Понятно становится кое-что? — шепнул Рожкин.

Несколько реплик секретаря парткома Апанасова объяснили многое. Он записывал себе в блокнотик факты из рабочих выступлений, часто поддерживал оратора, задавал вопросы с места, ободрял смущавшихся.

— Это надо обмозговать! — записывая предложение производственника, задумчиво говорил Апанасов.

А когда критике подвергались устаревшие формы администрирования, секретарь парткома, бросая неодобрительные взгляды на провинившихся, качал головой и произносил:

— Что-то вы здесь намудрили!

И тут мы наперегонки стали срывать с Кругляка одежды:

— Тюбетейку надо отдать вот тому загорелому мужчине с явно среднеазиатскими чертами лица. Как его называли нам?

Рожкин быстро пришёл на помощь:

— Насчёт тюбетейки вы правы. Кругляк скопировал её с секретаря райкома комсомола Кульбаева. Ну, «не буду стеснять вашей инициативы»,— подмигнул нам Рожкин.— В случае чего обращайтесь за подмогой...— И он, предоставив нам самостоятельно добираться до кругляковской начинки, стал слушать очередного оратора.

Во время перерыва мы сообщили драмкружковцам о результатах наблюдений над Кругляком. А они рассказали, как долго не получался у него приём с запиской.

— Какой запиской?

— «Напишите на бумажке вашу претензию... А я зайду к директору, поговорю...» — ломая голос под кругляковский, произнёс наиболее молчаливый член кружка.

— Так от кого это?

— У нас есть в партбюро один очень старый член партии,— сказал Рожкин.— Его весь завод зовёт «Папашей». Так он, чтобы не забыть просьбы,— а к нему в день десятки людей подходят — всегда просит написать на бумажке суть дела. И ни разу не было случая, чтобы Папаша какую-либо просьбу забыл или не помог... А Кругляк эту любовь масс к старику почуял — и к себе в копилку...

— Человек-ассорти,— усмехнулся Рожкин.— Говоря не на кондитерском, а на обычном языке,— смесь.

— А вот есть и «белое пятно»,— заметил один из ребят.— Откуда у него эта манера хрустеть леденцами и вообще носить с собой банку с конфетами?

— Что ж, нельзя человеку уж и конфетку пососать? — рассмеялись мы. Но тут же опровергли свои предположения. Конечно, Кругляк не мог на свою ответственность принять решение: сосать леденцовую смесь (именно «смесь», а никакой другой сорт!) или же нет. Ясно, что и леденцы были чужие. Но чьи?

Через несколько дней после нашего первого посещения состоялось общее собрание комсомольской организации машиностроительного завода. Нам рассказывали, что особенно яркое впечатление на публику произвёл короткий рассказ нашего друга Рожкина:

— Пришёл как-то уважаемый товарищ Кругляк к нам в цех. Походил-походил, а потом вызвал группоргов в красный уголок и начал инструктировать да разносы давать. «Почему,— говорит,— производительность у слесарей низкая? Потому что они привыкли работать по шаблону. Слесарь Иванов сам мне признавался, что у них на участке все по шаблону работают. А это порочный метод. Необходимо отделаться от него». Группорги так и раскрыли глаза на Кругляка: «Как так?! В нашем слесарном деле без шаблонов не обойтись...» А Кругляк говорит: «Это спецуказание свыше. Покончим, товарищи, с шаблоном раз и навсегда».

...И вдруг, представьте, остановив Рожкина, поднимается из-за стола президиума инструктор райкома комсомола и спрашивает:

— А когда это было?

— В субботу,— раздаётся из зала несколько голосов.

— В субботу? — переспросил инструктор.— В субботу секретарь горкома проводил совещание по поводу шаблона в комсомольской работе. А Кругляк ваш опоздал и слышал только окончание его речи. Вот он и решил, что любой шаблон — это нехорошо. Ясно, товарищи? А что касается слесаря Иванова, то, надо понимать, он просто решил разыграть Кругляка.

Короче говоря, Кругляка забаллотировали единогласно. Причём собрание было настроено по-боевому и даже специально отметило, что при рекомендации Кругляка в прошлом году на пост секретаря соответствующие отделы райкома невдумчиво подошли к кандидатуре.

Все эти отрадные вести мы узнали, находясь в приёмной первого секретаря горкома комсомола. Тут же на наших глазах произошла и ликвидация «белого пятна».

Мы обратили внимание, что уборщица складывала в корзину для бумаг целую груду жестяных коробок с надписью «Леденцовая смесь».

— Откуда у вас столько?— бросились мы к растерявшейся от нашего тройственного порыва женщине.

Оказалось, что первый секретарь целый месяц бросал курить, избрав при этом «конфетный» способ, который считается самым безболезненным и патентованным.

Об этом мы написали Рожкину, ибо кое-кто из молодёжи мог, чего доброго, подумать, что Кругляк самостоятельно принял решение о «Леденцовой смеси».

Ведь, наверное, он где-то работает сейчас, этот сборный деятель, человек-ассорти!

— Пойдём покурим, день ведь только начинается...

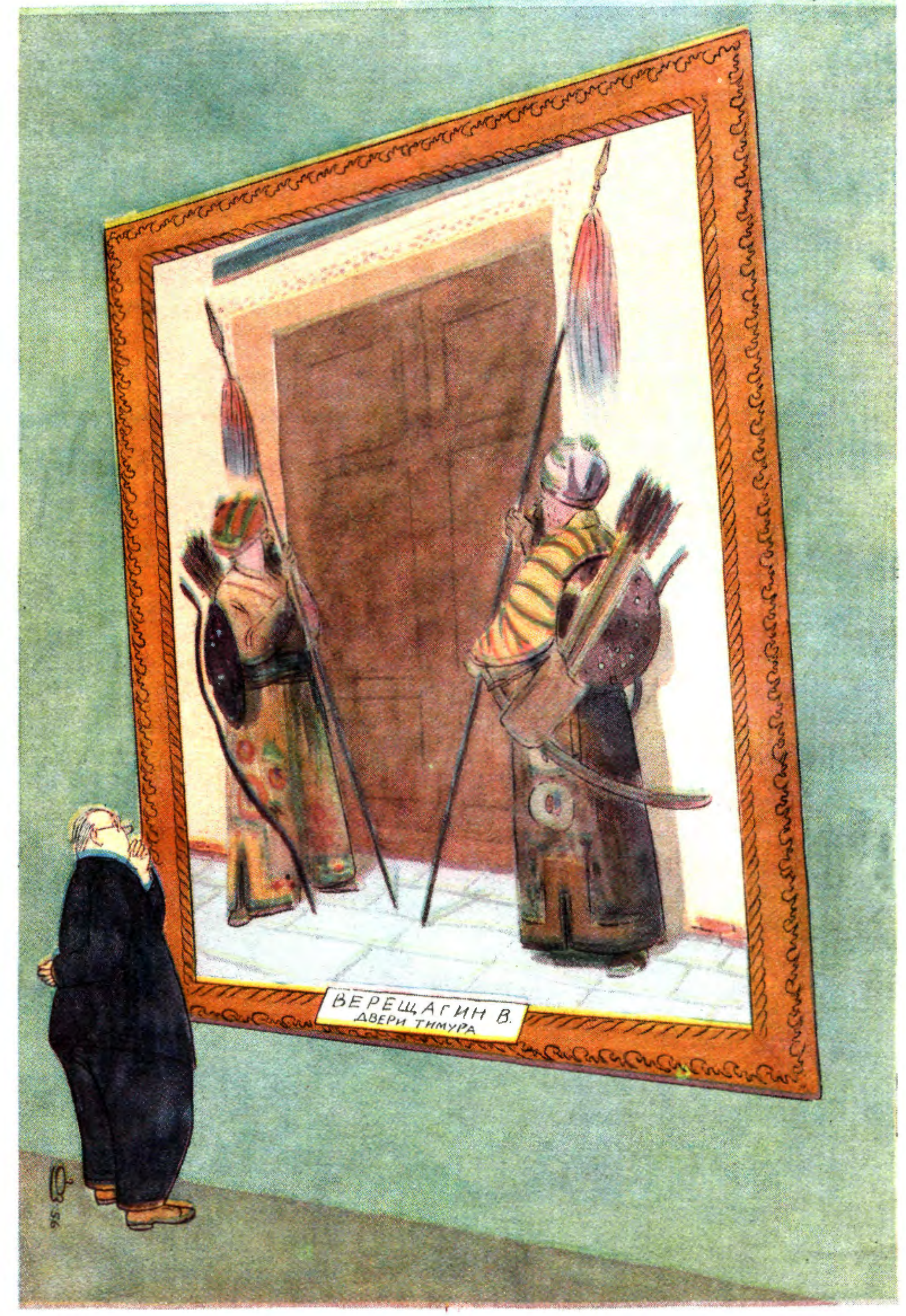
— ...Кончай курить, ребята, смена идёт.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

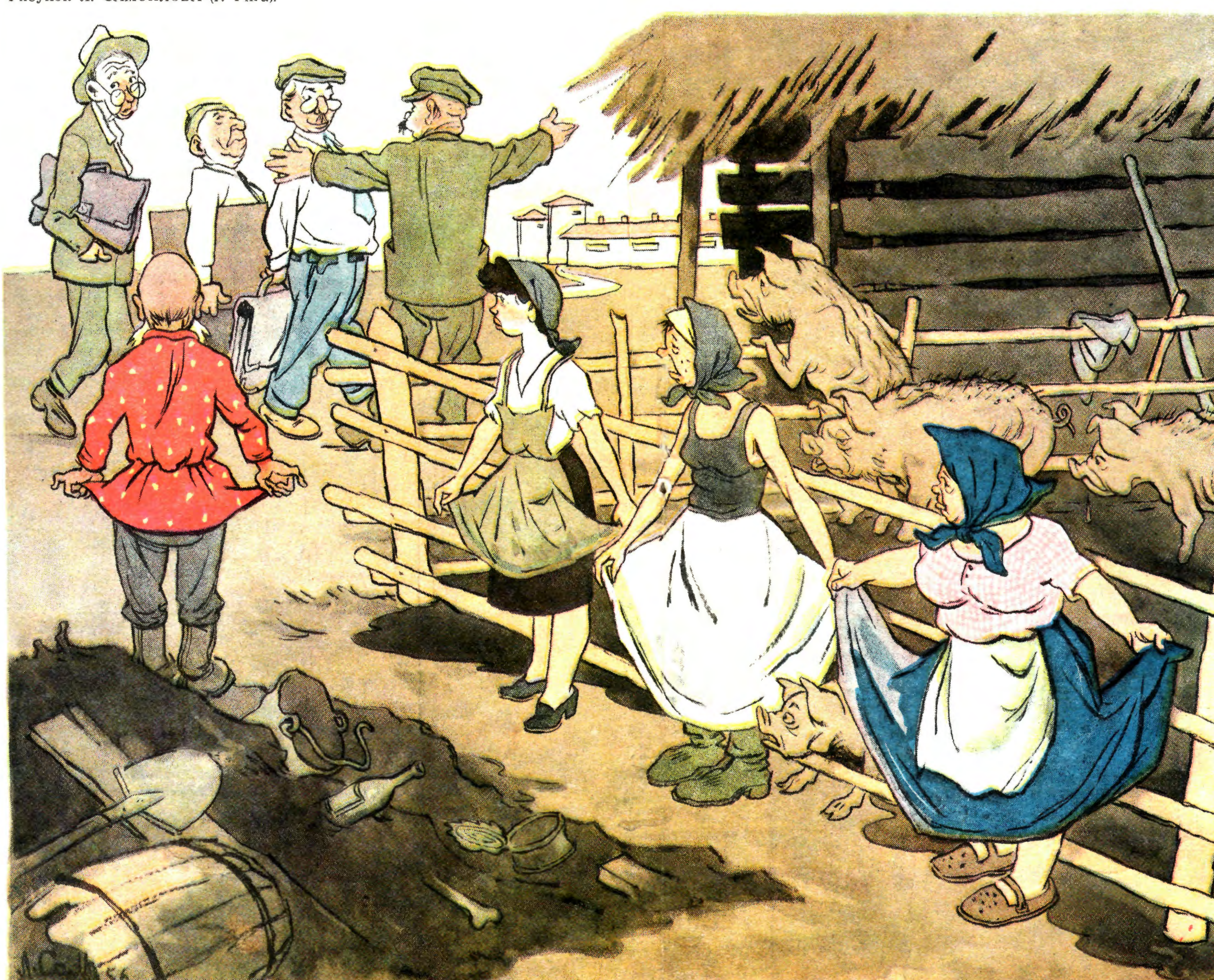
В гостях у КРОКОДИЛА

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА (г. Тбилиси).

— Вот мне бы таких в штат...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА (г. Рига).

— Не сюда, не сюда! Показательный участок дальше...

Рисунок Н. ЗВЕРЕВА (г. Ленинград).

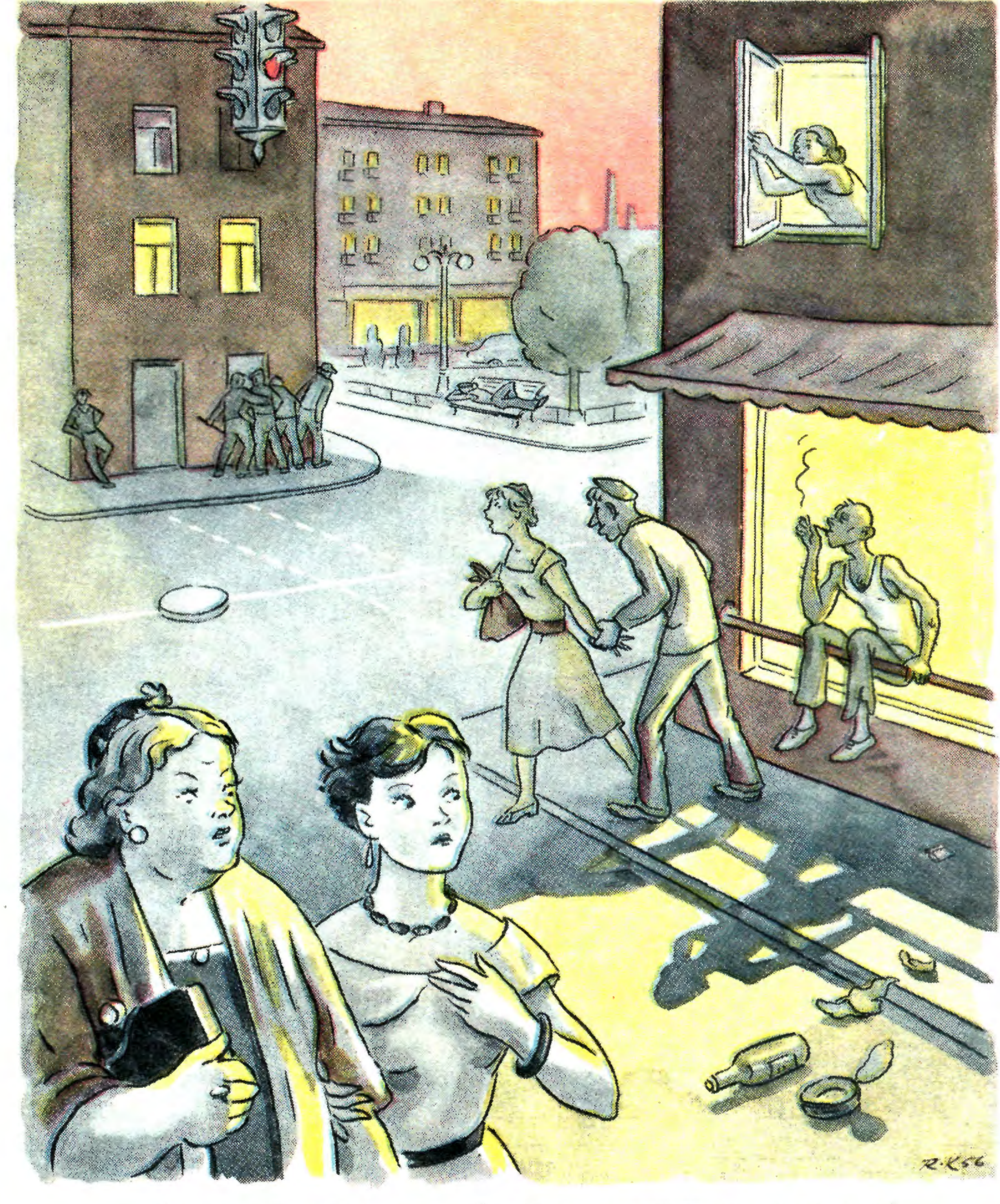
Кап..,

кап..,

...капитальный ремонт.

— Почему на этом перекрёстке не поставят милиционера!
— Опасно: хулиганов много...

Рисунок Р. КАЛПОКАСА (г. Каунас) по теме читателя Р. ГУРЬЯНОВА (г. Гатчина).

Рисунок Ю. НОВИКОВА (г. Ашхабад).

И ТАК БЫВАЕТ

— Вроде на этом участке сеяли кукурузу... Странно, что ей помешало взойти!..

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Джим ведет себя, как некоторые дипломаты в Комиссии ООН по разоружению: сделал мне предложение, а когда я его приняла, отказался...

Вздорная коллекция

Мистер Д. Оллармен — разрешите представить его вашему вниманию — солидный предприниматель и миллионер. У этого серьёзного и сухого джентльмена есть одно легкомысленное увлечение. Весь свой досуг он посвящает коллекционированию.

У него самая богатая в Америке коллекция жилетных пуговиц. Потом, когда пуговицы ему надоели, он перекинулся на собачьи хвосты. Собрав несколько тысяч отрубленных собачьих хвостов, мистер Д. Оллармен начал коллекционировать кривые улыбки: целая армия фотографов снимала для него иронически улыбающихся мужчин и женщин.

Но вскоре и это ему наскучило. И вот он пригласил к себе несколько десятков человек разных профессий и выступил перед ними с краткой, но содержательной речью:

— Господа! Я хочу за свои доллары получить хоть и старый товар, но в новой упаковке. С сегодняшнего дня приступаю к коллекционированию вздора. Как известно, спрос рождает предложение. Что вы можете предложить, уважаемые джентльмены?

Первым взял слово мистер Гэйтскелл, английский лейбористский лидер:

— Позвольте процитировать лекцию, которую я не так давно прочёл в Вашингтоне. Моё выступление касалось внешнеполитических проблем, и я, между прочим, сказал, что Североатлантический союз спас мир во всём мире.

— Вы так прямо и сказали? Что ж, это неплохой вздор. Но всё же не первый сорт. Тем более, что этот вздор уже был в употреблении. Но вы не падайте духом. У вас есть способности. При некоторой тренировке сможете, уверяю вас, добиться лучших результатов... Кто следующий?

— Я! — воскликнул господин в больших роговых очках. — У меня на днях ловко получилось. Я считаю, что из всего вздора, которым я, как журналист, кормил своих читателей за последние месяцы, это наилучший номер. Я написал о том, что Советский Союз обязан немедленно освободить Украину. Вы слышали, что я сказал: освободить Украину? А? Что скажете?

— Вы один из редакторов газеты «Нью-Йорк таймс»?

— Совершенно верно. А как вы это узнали?

— По вздору, типичному для вашей газеты. То, что вы рассказали, нас интересует. Но, откровенно говоря, хотелось бы что-нибудь поновее, поострее. Нам нужна вздорная сенсация или, вернее, сенсационный вздор.

— Могу предложить.

— Кто вы такой?

— Я Толберт. Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн». Готов служить вам, мистер Д. Оллармен!

— Знаю. А конкретно?

— Сейчас я прочитаю выдержки из моей статьи, и вы сразу увидите, что это именно то, что вам нужно. Вот послушайте. Я заявляю, что из официальных советских источников поступили «поразительные новые данные», объясняющие причины сокращения Советским Союзом своих вооружённых сил. Я при этом ссылаюсь на статью в газете «Комсомольская правда» по поводу привития детям трудовых навыков в пионерлагерях.

— Я ещё не уловил связи между...

— Сейчас всё станет ясно. Вот что я написал в своей статье: «2 650 тысяч советских детей в возрасте от 9 до 14 лет будут включены в какие-то принудительные работы на так называемый период летних каникул». Именно так и написал: «принудительные работы».

— Вы правы, мистер Толберт. Это действительно вздор. Но я всё ещё не улавливаю связи между...

— Одну минуту. Сейчас объясню. В той же статье я дальше говорю, что привитие трудовых навыков в пионерлагерях «по-новому раскрывает подлинные причины неожиданной готовности Советского Союза сократить свои вооружённые силы на 1,2 миллиона человек... Это подкрепляет мнение западной разведки о том, что в СССР имеется недостаточно работоспособных советских граждан».

— Беру. Плачу. Это вздор высшей марки. Бред первой категории.

— Вам нужен бред?

С задних скамей поднялся очень потёртый субъект.

— Вам нужен бред? — повторил он свой вопрос. — Надо было в таком случае обратиться прямо к нам, на остров Тайвань. Я представитель Чан Кай-ши. На днях я уже говорил корреспонденту агентства Франс Пресс о том, на каких условиях мы согласны вести переговоры с правительством Китая. Могу повторить это для вашей коллекции. Я предлагаю первым делом распустить народное правительство Китая, полностью подчинить Китай Тайваню, а уж потом приступить к переговорам. Ну, что скажете, мистер Д. Оллармен?

— Ничего не скажу. Я онемел от восторга. Это настоящий бред! Это подлинный вздор! Но ни одной монеты вы не получите. Наше правительство и так слишком много миллионов израсходовало на ваш вздор... Ну, на сегодня хватит. Уважаемые леди и джентльмены, к следующей нашей встрече приготовьте для моей коллекции новые образцы вздора. Желаю успеха!..

Г. РЫКЛИН

ОТКРЫТОЕ ОТКРЫТИЕ

На земле не осталось, кажется, ни одной Америки, которую ещё можно было бы открыть. Куда ни кинь взгляд,— всюду уже побывали или Кук, или Ливингстон, или, на худой конец, пронырливый коммивояжёр со списком и образцами товаров, которые может предложить его фирма.

И всё же несколько недель назад Демари Бесс, журналист и отчасти путешественник, отбыл из редакции американского журнала «Сатердей ивнинг пост» с твёрдым заданием — умереть, но открыть для читателей журнала новую землю. Демари Бесс не умер. Он открыл.

В результате, как и следовало ожидать, появилась его статья. Настоящий материал представляет собой лишь выборки из неё в форме небольшой справки об острове, открытом Бессом.

Население

Население острова делится на две категории: тех, кто трудится, и тех, кто хорошо живёт. Разделение весьма древнее, и Демари Бесс не видит оснований, чтобы отказываться от него на «прекрасном острове с полутропическим климатом, где жизнь можно сделать вполне удобной для некоторых людей».

«Некоторые люди», в свою очередь, состоят из двух групп:

а) «Исчезающая группа эмигрантов».

Представители её не могут работать по вполне уважительным причинам. Во-первых, не хотят. Во-вторых, они болеют. Болезнь у них тяжёлая. Ностальгия. Они, «начиная с 1949 года, несомненно, тоскуют по родине». При таком удручающем моральном состоянии всё валится из рук, кроме оружия.

б) Американцы.

Вообще-то эту группу следовало бы поставить на «а». Ну да ладно. Что сделано, то сделано.

Американцев на острове «слишком много»: «в несколько раз больше, чем нужно». Они уже «стали путаться друг у друга под ногами». Но у них, конечно, есть и другие занятия.

«Это особенно верно в отношении некоторых военных руководителей, а также американцев, известных... под названием «привидений» — представителей таких американских организаций, о которых помалкивают». Помолчим и мы.

Население острова быстро увеличивается за счёт... Впрочем, пусть об этом скажет сам Бесс. «В качестве одного из ярких примеров наплыва американцев,— пишет он,— можно указать на группу из 338 протестантских миссионеров, в то время как до второй мировой войны на острове находилось только два миссионера». Вообще-то говоря, миссионеров не стоило бы впутывать в политику: они, как известно, от господа бога...

Военное дело

Это альфа и омега, дельта и ламбда, это все буквы греческого, латинского и других алфавитов. Военное дело на острове развивается в ущерб всем другим делам.

Американцы помогают бедным островитянам как могут. «Наши нынешние субсидии,— сообщает Демари Бесс,— составляют в общем 300 млн. долларов в год — две трети на чисто военные цели, одна треть на экономические с военным оттенком».

И всё же вопреки (а может, и благодаря!) субсидиям Бесс обнаружил на острове страшнейший, точно тропическая лихорадка, «ежегодный дефицит примерно в размере 100 миллионов долларов».

Демари Бесс обнаружил на острове и самого виновника этого дефицита. Журналист припомнил, что он встречался с ним ещё 22 года назад, в 1934 году. «С тех пор,— замечает Бесс,— он непрерывно участвовал в какой-нибудь войне».

Драчливый и несносный характер этого субъекта не мешает, однако, Демари Бессу назвать его «одним из наиболее искушённых государственных деятелей мира».

А такие дефицитные деятели котируются за океаном высоко. Поэтому-то миллионы долларов, ассигнуемые на них, и проваливаются, как в бездонный Чан...

Правительство

Чего нет, того нет. Правда, Демари Бесс называет таким словом десяток — другой людей, но, кажется, и они сами сомневаются в том, что являются правительством.

«В тот день, когда я (то есть Демари Бесс.— **П. Е.**) посетил очень способного министра иностранных дел, он был расстроен, ибо только что узнал из газет кое-что... о чём государственный департамент не позаботился сообщить ему».

— Вы, американцы,— с возмущением сказал министр,— называете нас правительством, и, тем не менее, когда я появляюсь на заседании кабинета, министры спрашивают меня: «Ну, что думает Вашингтон сегодня?».

К сожалению, сам министр иностранных дел, при всех его способностях, не может в таких случаях ответить своим коллегам ничего вразумительного.

«Акции правительства,— заключает журналист,— неизбежно будут повышаться или понижаться в точном соответствии с изменениями и поворотами политики Соединённых Штатов». Таким образом, акции этого правительства в основном котируются на нью-йоркской бирже.

Не удивительно, что «исчезающая группа эмигрантов» хронически испытывает «такое чувство, словно она едет на очень странном судне».

Вместо послесловия

Что же это за остров? Читатели, разумеется, уже догадались. Тайвань. Правильно. Вот что значит особые приметы!

Могут спросить: какое же это открытие? Ведь Бесс лишь повторил на свой лад то, что давно всем известно. И всё-таки не будем слишком строги. Мистер Бесс сделал всё, чтобы выполнить задание журнала «Сатердей ивнинг пост». Невзирая на свои собственные наблюдения, он считает, что не Тайвань принадлежит Китаю, а Китай — чанкайшистам. Хотя это тоже не бог весть какое откровение, но ведь его журналу-то больше ничего и не требуется...

П. ЕВГЕНЬЕВ

Те, кто «запретили» Коммунистическую партию Германии...

Рисунок К. КОЖУХАРОВА из газеты «Работническо дело» (Болгария).

Адью—гуд бай!

(Вместо некролога)

В садах Тюильри пели птицы. Под летним солнцем шумел Париж. А её уже не стало.

Контраст между цветеньем и тленом, между жизнью и смертью всегда волнует воображение. Впрочем, похороны были весёлые. Не зря галльская жизнерадостность вошла в поговорку. Да и как не радоваться, когда bête noire — нечто противное для всех — протягивает ноги!

Вслед пышному катафалку с парижских тротуаров летели добрые пожелания: «Всё хорошо, что хорошо кончается!», «Ни дна тебе, ни покрышки!» И ещё более сочные слова напутствия...

Плакали только облачённые в глубокий траур солидные мсьё — финансовые отцы покойной. Они составляли первые ряды похоронной процессии. Точнее сказать, плакали их денежки. За финансовыми тузами шествовали газетно-журнальные валеты, истово восклицая: «На кого ты нас покидаешь!» и «Какой иссяк источник гонораров!»

Но всё это были, так сказать, лишь реплики с мест. Записные же ораторы в своих надгробных речах упирали главным образом на безвременность кончины и на довольно распространённое утверждение, согласно которому мёртвые сраму не имут. Такие натяжки освящены традицией и обычно в строку не ставятся. Но в данном случае смерть наступила pro tempore (из уважения к медицине переходим на латынь), то есть во-время. Что же касается сраму, то сраму не оберёшься.

Всякий добротный некролог должен охватить всю жизнь, от пелёнок до гробовой доски. В данном случае это нетрудно сделать. Весь скорбный путь через тернии к звёздам был совершён в стремительном темпе.

Да, она была молода! Только два с половиной месяца прошло с тех пор, как дружным залпом ударили в потолок ресторана на Елисейских полях пробки Аи, Клико, Мум и шампанского других марок, приветствуя рождение инфанты. Феи в безукоризненных фраках, стоявшие у колыбели, начертали на младенческом челе девиз: «Холодная война». Однако всякому было ясно, что в наши дни всеобщего стремления к миру нельзя с такой программкой показаться на людях découvert — в голом виде. Поэтому новорожденной сшили волшебное одеяние из тумана и обмана. На зубок ей было положено два миллиарда франков. Богатое чадо, баловень судьбы, должно быть избавлено от низменных расчётов, стоять выше прозы жизни. Любовь к «холодной войне» тоже требует жертв.

И вот в прекрасный апрельский вечер парижане увидели в киосках новую большую газету.

Так родилась «Тан де Пари». Её сорок полос пахли не только свежей типографской краской, но и нефтью, так как издавалась она в основном на франки и доллары нефтяных монополий «Эссо стандард» и «Шелл франсэз». Несмотря на свой нежный возраст, резвое дитя готовило tour de force на французской газетной арене — намеревалось положить всех возможных конкурентов на обе лопатки.

В общем, шуму было много. Но неоправданный оптимизм разбила суровая действительность. Забыли про сущий пустяк: о том, что газете нужны подписчики. Сперва учредителям казалось, что не больно-то нужны. Денег хватит. Снабдим, дескать, своей газетой домашнюю челядь, сами выпишем по дюжине комплектов. На то мы-де и капиталисты. Но тут выяснилась ещё одна деликатная подробность: требовались читатели как таковые. Не только оплачивающие, но и просто читающие единицы. Засесть за чтиво самим? Что толку: получится чистейшее самооболванивание!

Не в деньгах, оказывается, счастье. Можно купить типографию, бумагу, продажные перья, но нельзя купить массового читателя. В мире веет теплом доверия и дружбы. Поди-ка, попробуй, вылепи снова снежную бабу «холодной войны»! Раскиснет, растает, и останется от неё только грязная лужица.

На «Тан де Пари» спроса, хоть убей, не было. Её быстро раскусили и ещё быстрее выплюнули. Спрос падал головокружительно. Со 145 тысяч экземпляров в первые дни он за одну неделю скатился до 80 тысяч, неудержимо стремясь к нулю. Началась агония.

...На алтарь «холодной войны» возложены все 66 вышедших номеров «Тан де Пари». У изголовья усопшей в скорбном молчании стоят её родители — фабриканты Антуан Пинэ и Жорж Моразо, вишисты Андре Гэрен и Гастон Бержери. Всхлипывают репортёры. Глотают слёзы редакторы.

Она скончалась так быстро... «Самое информированное, самое объективное, самое демократическое издание!» — кричали газетчики в первые дни выхода «Тан де Пари». Сейчас парижане говорят: «Не «Тан де Пари», а «Тан де Виши».

Покойная сама довела себя до самоубийства. Она без устали ратовала за агрессивные блоки и пакты, за колониальную политику, за «освобождение» социалистических стран. Она была не по летам сварлива и желчна. «Запад должен нетерпимо относиться к любым малейшим проявлениям тенденции к нейтрализму»,— заявляла она. Во имя «холодной войны» она шла на любую клевету, на любую ложь. И дошла.

В Венсенском лесу поют птицы. Под летним солнцем Сена катит спокойные воды. А её уже нет. Но душеприказчики усопшей так и не смирились с утратой. Они уверяют, что «Тан де Пари» снова появится на свет, «как только позволят обстоятельства». Illusion! У французов это называется делать хорошую мину при плохой игре. В наш позитивный век воскресений из мёртвых не наблюдается.

Мир праху твоему, двух с половиной месячный ублюдок!

Г. ТОПОРКОВ

Рисунок Рауля ВЕРДИНИ (Италия), выполненный для «Крокодила».

Колонизаторы: — Нас, кажется, попросили выйти вон...

Рисунок Г. ДАУМАНА.

ЩЕДРОСТЬ ИЖДИВЕНЦА

— Я всех угощаю, у меня большая радость: матери пенсию увеличили.

МЯГКОЕ СЕРДЦЕ РОМАНА ИВАНОВИЧА

В конце концов, чем провинилась проводница Семёнова? Поезд из-за неё под откос не свалился, пожара тоже никакого не случилось. Провозила безбилетных? Так ведь не десятками же! Хулиганила? Так не каждый же день!

И всё-таки проводники Вяземского резерва Калининской дороги осудили поступки Семёновой и добились её увольнения.

Нарсудья города Вязьмы тов. Спицын восстановил Семёнову в должности проводницы. Через несколько дней её снова уволили — на этот раз за прогул.

Но заместитель начальника дороги тов. Коньков, выслушав клятву Семёновой исправиться, направил её на работу, не связанную с пассажирскими перевозками.

— Осчастливили, нечего сказать! — возмутилась она.— Не по мне такая должность, я хочу ездить с пассажирами!

И Семёнова стала писать бесчисленные жалобы ответственным работникам министерства.

Капля долбит камень. Первым дрогнул бывший в то время заместителем начальника пассажирского главка тов. Якушин.

— Умоляю вас,— сказал он руководителям Калининской дороги,— устройте её. Мы больше не в силах терпеть. Весь аппарат главка только тем и занят, что разбирает кляузы Семёновой и отвечает на запросы по её делу.

— Никак не можем,— твёрдо ответили калининцы,— уволена она правильно!

На этом можно было бы поставить точку, но... работники Калининской дороги долго разводили руками над полученной из министерства бумажкой:

«Приказ Министерства путей сообщения
по личному составу.
№ 694

Восстановить тов. Семёнову Е. Ф. в ранее занимаемой должности проводника вагонов Вяземского резерва Калининской железной дороги.

Заместитель министра путей сообщения
Р. РОБЕЛЬ».

Однако и это не успокоило Семёнову. Теперь она уже требует, чтобы люди, уволившие её, были наказаны, а ей выплатили за прогул в полтора года. В противном случае, угрожает Семёнова, она обратится прямо к Роману Ивановичу Робелю.

Багажный раздатчик Ленинград-Витебского резерва Октябрьской дороги Кириллова тоже очень довольна Романом Ивановичем Робелем.

Пассажиры, которых Кирилловой приходится обслуживать, никак не могли привыкнуть к тому, что она частенько устраивает дебоши, нередко провозит их багаж мимо станций, где его нужно выгружать, или выгрузит половину вещей в одном месте, а остальное везёт в другое. Не понимают они, что на это есть уважительная причина: любовь Кирилловой к веселящим напиткам.

Коллектив резерва настоял на том, чтобы Кириллову за пьянство и дебоши перевели на другую работу.

И пошла писать губерния!

Жалобы Кирилловой разбирали многие лица и организации. И все приходили к выводу, что она достойна только увольнения. Последний раз (это было в апреле) так ей и ответил заместитель начальника пассажирского главка МПС тов. Козак.

А в июне начальник пассажирской службы Октябрьской дороги тов. Фёдоров получил из главка телеграмму:

«В соответствии указанием заместителя министра путей сообщения т. Робель восстановите прежней должности багажным раздатчиком Кириллову Е. С.».

Ну, разве же не мягкое сердце у Романа Ивановича? В нём такие запасы доброты и нежности, что их с избытком хватает даже на хулиганов и прогульщиков!

Л. АЛЕКСАНДРОВА

Рука судьбы

Казалось бы, пришёл конец деятельности Михаила Моисеевича Моисеенкова на ниве кооперативной торговли в районном центре Жабье, Станиславской области.

Да и можно ли было в этом сомневаться, если открылось, что директор чайной Жабьевского РПС Моисеенков М. М. расхищал кооперативные средства! Директор и иже с ним составляли фиктивные квитанции, «превращали» худую скотинку в упитанную, а разницу от цены присваивали. Всё это стало известно. Расхитителей ждало заслуженное наказание.

Жители села, возмущённые тёмными делами «кооператоров», при встрече спрашивали друг друга:

— Ну что, уже сидит Моисеенков?

— Сидит! — отвечали наиболее осведомлённые.— На прежнем месте сидит.

И правда, Моисеенков как ни в чём не бывало оставался в своём директорском кресле.

Это было непонятно, почти сверхъестественно.

Шло время. Расследование провели ещё глубже. Оказалось, что у Моисеенкова богатый арсенал безболезненного для него прикарманивания народных денег, а вскрытые раньше махинации — просто милые шутки в сравнении с дополнительно расследованными.

— Ну, теперь-то он сядет! — не сомневались в Жабьем.

— Уже сидит! — подтверждали другие.— Сидит и рыбу удит на берегу Чёрного Черемоша.

Не один человек пытался выведать у Михаила Моисеевича секрет его неуязвимости, а Михаил Моисеевич возводил очи к синему небу и произносил со вздохом:

— Рука судьбы!..

Большего от него никто не мог добиться.

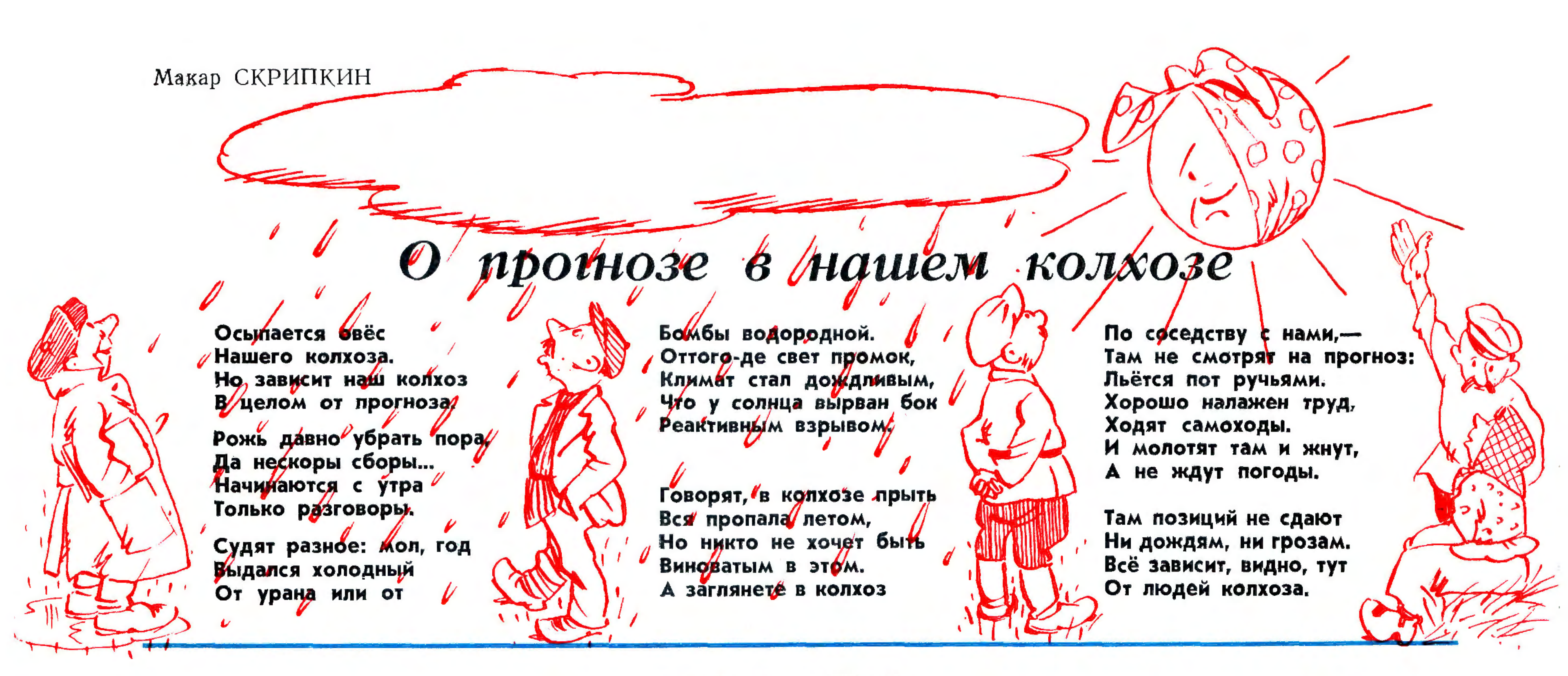
Но уж если говорить прямо, то рука, о которой с таким чувством отзывался Моисеенков, принадлежит никакой там не судьбе, а секретарю Жабьевского райкома партии Григорию Афанасьевичу Лещенко. Григорий Афанасьевич этой самой рукой брал все докладные записки, все справки районной милиции и прокуратуры о злоупотреблениях и хищениях Моисеенкова, а потом складывал их в самый дальний ящик. Лежат они там до сих пор, прокуратуре же с милицией — ни ответа, ни привета, будто бы ничего и не было.

А Моисеенков больше не удит рыбку на берегу Чёрного Черемоша, он сидит... в новом директорском кресле. Его назначили заведующим магазином орса Кутского лесосплава в том же Жабьем. И это произошло тоже с лёгкой руки Григория Афанасьевича Лещенко.

В. ТКАЧЕНКО

Макар СКРИПКИН

О прогнозе в нашем колхозе

Осыпается овёс
Нашего колхоза.
Но зависит наш колхоз
В целом от прогноза.

Рожь давно убрать пора,
Да нескоры сборы...
Начинаются с утра
Только разговоры.

Судят разное: мол, год
Выдался холодный
От урана или от
Бомбы водородной.
Оттого-де свет промок,
Климат стал дождливым,
Что у солнца вырван бок
Реактивным взрывом.

Говорят, в колхозе прыть
Вся пропала летом,
Но никто не хочет быть
Виноватым в этом.
А заглянете в колхоз
По соседству с нами,—
Там не смотрят на прогноз:
Льётся пот ручьями.
Хорошо налажен труд,
Ходят самоходы.
И молотят там и жнут,
А не ждут погоды.

Там позиций не сдают
Ни дождям, ни грозам.
Всё зависит, видно, тут
От людей колхоза.

В КАБИНЕТЕ ВЗЯТКИНА

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— Я хотел бы устроиться к вам продавцом... Возьмёте!
— Смотря... сколько дадите!

Виды на память

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

г. Калинин. Начальнику областного управления автотранспорта и шоссейных дорог.

Уважаемый тов. ХАРИЧЕВ!

Поверьте, я знаю, что у вас много всяких важных дел. Догадываюсь, что некоторые из них в связи с несовершенством делопроизводства забываются. И потому предлагаю вашему вниманию — вместо узелка на память — интересный видовой снимок. Назовём его, если не возражаете, «Стоп, машина!».

Вам не знакома эта милая картинка? Приезжайте — познакомитесь. Это совсем недалеко от вас — на самой границе Калининской и Вологодской областей. Перед вами половина моста через реку Звана, восстановленная вологодцами по соглашению между высокими договаривающимися сторонами ещё в 1953 году. А второй половины моста, которую должны были восстановить руководимые вами калининские дорожники, пока нет. И местные жители вот уже три года переправляются из одной области в другую таким путём:

Итак, приезжайте! Ждём! Но если задумаете перебраться на нашу сторону, оденьтесь на всякий случай полегче и лучше бы во что-нибудь старенькое. А то жёрдочки, сами видите, не очень надёжны...

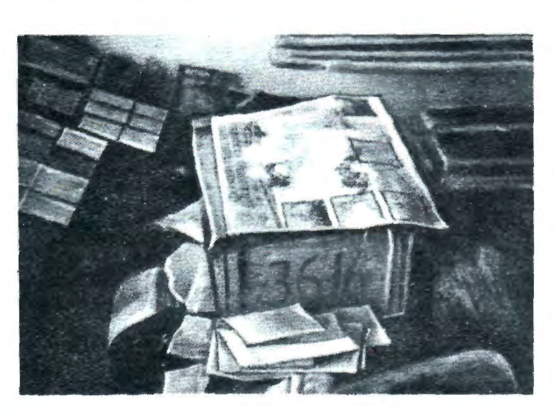
М. ПОДУЛОВ

г. Устюжна, Вологодской области.

Молдавская ССР, Слободзейский район, Село Глинное. Директору МТС тов. И. Ф. Евсееву.

Здравствуйте, Илларион Фёдорович!

Помните, как около года назад торжественно открывался у вас в МТС книжный магазин? Помните, как хорошо, проникновенно вы говорили тогда, что книгу надо любить и беречь? А посмотрите, как всё вскоре обернулось.

Дарим вам этот снимок от лица всех жителей села Глинное — механизаторов вверенной вам МТС, колхозников артели имени Булганина, работников консервного и винного заводов. Дарим на долгую, прочную память о том, как, не предоставив книгопродавцам на время ремонта никакого другого помещения, вы приказали вскрыть кровлю и предали книги дождю, пыли, грязи. И превратили книжный магазин в склад хлама. И тем самым воочию всем показали, сколь велика ваша любовь к книге...

В. МЕНОВЩИКОВ

с. Глинное.

г. Черняховск, Калининградской области. Директору Дома культуры железнодорожников.

Дорогой тов. ПОЛЯКОВ!

Близятся сроки представления отчётности о работе за лето. В связи с этим разрешите оказать вам посильную товарищескую помощь. Когда будете писать о находящемся в вашем ведении стадионе «Локомотив», не забудьте присовокупить в доказательство своей напряжённой физкультурно-организационной деятельности нижеследующее:

Ну, а обо всём остальном — запущенном футбольном поле, поросшей бурьяном баскетбольной площадке, заброшенном теннисном корте и обезвоженном водоёме — расскажите уж как-нибудь на словах...

Б. АЛЕКСАНДРОВ

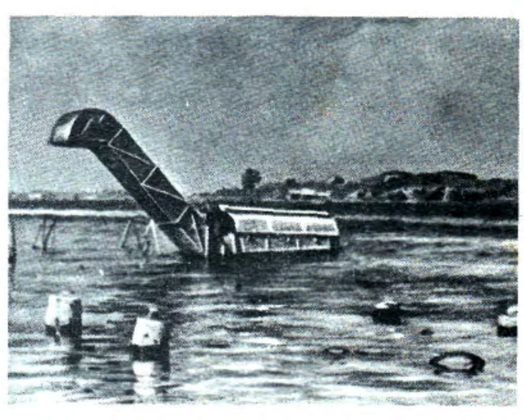
г. Черняховск.

г. Новгород.

Начальнику областного управления совхозов.

Уважаемый тов. БЕЛЯКОВ!

Не заинтересует ли вас этот водный пейзаж?

Как специалист и рачительный хозяин вы, конечно, сразу же обратите внимание на оригинальное применение силосоуборочного комбайна. Независимо от своего прямого назначения он используется, судя по снимку, для определения уровня воды в реке Волхове и приспосабливается (по не совсем проверенным сведениям) для рыболовства.

А на противоположном берегу Волхова виднеется усадьба совхоза «Робейко». Именно там, у директора Михаила Николаевича Гусева, можно узнать о всех подробностях этого смелого нововведения. И заодно выяснить: не собирается ли он для уборки зелёной массы под силос впредь использовать вместо комбайна невод, перемёт или какую-нибудь иную рыболовную снасть?

Л. ИЦКОВИЧ

м. Кречевицы, Новгородской области.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 11129. Изд. № 771. Подписано к печати 21/VIII 1956 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Заказ 2290. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

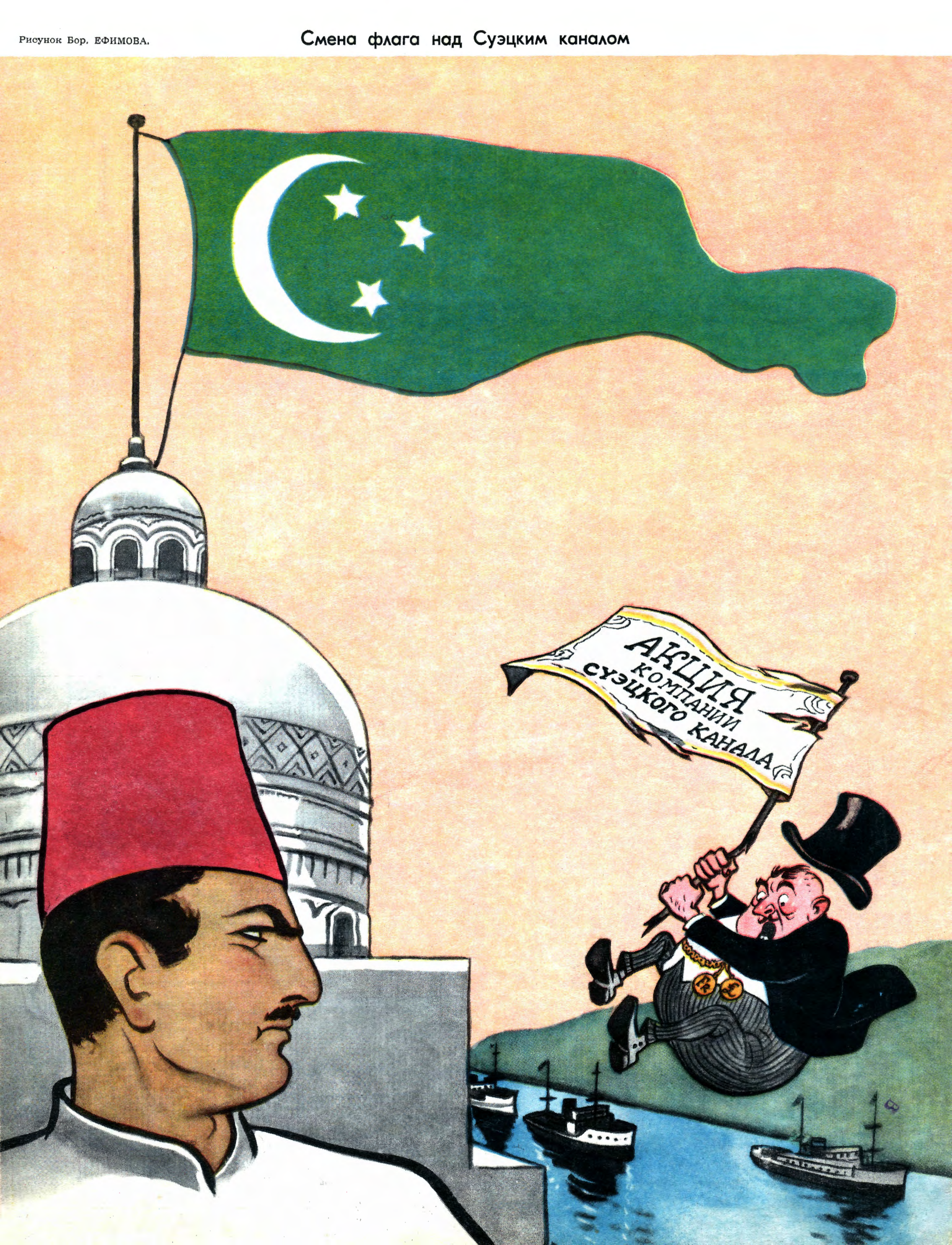

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Смена флага над Суэцким каналом